

Игорь Кузнецов

Трудности и коллизии работы с письмами ученых из круга Франца Боаса (*ad marginem*)¹

Igor Kuznetsov

Difficulties and Collisions of the Work on the Correspondence of Scholars from the Circle of Franz Boas (*Ad Marginem*)

Игорь Кузнецов (Институт языкознания РАН, старший научный сотрудник; кандидат исторических наук) i.kuznetsov@iling-ran.ru.

Igor Kuznetsov (PhD; Senior Research Fellow, The Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences) i.kuznetsov@iling-ran.ru.

Ключевые слова: история антропологии, презентизм, письма, контекст, на-дене, красное десятилетие

Key words: history of anthropology, presentism, letters, context, Na-Dene, Red Decade

УДК: 39, 81-11

DOI: 10.53953/08696365_2024_189_5_28

UDC: 39, 81-11

DOI: 10.53953/08696365_2024_189_5_28

В статье анализируются примеры неверной, по мнению автора, трактовки ряда сюжетов из истории антропологии периода господства школы Франца Боаса в Америке. В частности, обращено внимание на ситуации, связанные с российско-(советско-)американским сотрудничеством. Основным источником служит переписка участников описываемых событий, хранящаяся в Американском философском обществе, Архиве РАН и др. В числе общих выводов — незрелость соответствующей области науки. В заключение автор предлагает внести несколько методологических корректив в исследование истории антропологии.

The article analyzes samples of incorrect, in the author's opinion, interpretation of several cases from the history of anthropology, during the period of dominance of Franz Boas's school in America. Attention is drawn to situations related to Russian-(Soviet-)American cooperation. The main source is the correspondence of the participants in those events, which is stored in the American Philosophical Society, the Archive of the Russian Academy of Sciences, etc. Among the general conclusions is the immaturity of this field of research. In conclusion, the author suggests making several adjustments in methodology of the history of anthropology.

Проблематика представленной статьи, как и в значительной мере ее фактология, подготовлены предыдущими поисками автора в области истории антропологии эры Франца Боаса. Короткие сюжеты, или мини-расследования, родившиеся из того, что можно было бы назвать «заметками на полях» (*ad marginem*, как указано в названии статьи), объединены здесь сквозной темой. Они так или иначе связаны с деятельностью «отца-основателя» современной антропологии — одного из всего-то четырех (вместе с Б. Малиновским, А. Рэдклифф-Брауном и М. Моссом), если доверяться мнению Т. Эриксона и Ф. Нильсена [Eriksen, Nielsen 2001], и, что не менее важно, затрагивают взаимоотношения Боаса и его учеников с российскими этнографами. Несколько менее явно это

1 Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 20-18-00159, <https://rscf.ru/project/20-18-00159/>, организация, осуществлявшая финансирование, — Институт языкознания Российской академии наук (ИЯз РАН).

делается во втором сюжете, но и он посвящен, так сказать, объекту общего интереса (родству языков Старого и Нового Света). Сюжеты рассматриваются через переписку основных акторов — эго-документы, позволяющие значительно скорректировать последовательность событий, а порой и наши представления об истории развития антропологической мысли. Основной целью настоящей работы является исправление неточностей в истории российско-американских контактов в антропологии.

Большая часть документов, рассмотренных в публикации, хранится в различных коллекциях («Franz Boas Papers» и др.) библиотеки Американского философского общества в Филадельфии, а также в архиве отделения антропологии нью-йоркского Американского музея естественной истории, Архиве Российской академии наук в Санкт-Петербурге и Научном архиве Института этнологии и антропологии в Москве. На сегодняшний момент опубликованы экспедиционные записи и письма Боаса [Rohner 1969], как и переписка «папы Франца» с советским этнографом Ю.П. Аверкиевой [Kuznetsov 2006]. В 2015 году команда исследователей под руководством Регны Дарнелл приступила к масштабному проекту по публикации и комментированию почти всего корпуса профессиональной переписки Боаса; отдельно предусматривается аналогичная работа в отношении «русской» корреспонденции ученого (см. статью Д. Арзютова, С. Кана, Л. Сирагузы в этом номере). Помимо этого, читателям уже доступна переписка боасовских учеников, например А.Л. Крёбера с Э. Сэпиром [Golla 1984], к анализу которой мы также многократно прибегали, готовя этот текст.

Арест Богораза и «амбивалентность» Боаса

Признано, что отношение к российским коллегам со стороны Боаса, прозванного «папой Францем» его первыми учениками, выходило за пределы сугубо академического. В Американском музее естественной истории хранится адресованная Боасу телеграмма Богораза, на которую впервые обратил внимание, кажется, Стэнли Фрид [Freed et al. 1988a: 100; 1988b: 19]: «Арестован причины неизвестны» («Am arrested reasons unknown»², Богораз — Боасу, 29 ноября 1905 года). На самом деле причина ареста народовольца Богораза вполне очевидна: шла первая русская революция, а он проявил себя как бунтовщик, приняв участие в съезде Крестьянского союза. Известно, что за помощью в его освобождении Боас обратился к В.В. Радлову (Боас — Радлову, 5 декабря 1905 года)³. Нью-йоркский руководитель Джесуповской экспедиции явно успел проникнуться дружескими чувствами к ее участнику из России. На кону оказалась также судьба собранных в ходе экспедиции материалов.

Ниже мы постараемся прояснить некоторые важные детали в этой истории, восстановив необходимый контекст. Начнем с того, что в литературе до сих пор существует ошибочная датировка московского ареста Богораза — начало декабря (см., например: [Михайлова 2004: 113]). Источником ее послу-

2 Здесь и далее все переводы с английского и немецкого языков сделаны автором.

3 Архив отделения антропологии Американского музея естественной истории (American Museum of Natural History, Division of Anthropology Archives, AMNH-DAA). Переписка Джесуповской экспедиции.

жила неточность, допущенная Д. Коулом, который излагал ход событий следующим образом: 4 декабря 1905 года Боас будто бы получил телеграмму (никакого документального подтверждения на этот счет у Коула нет), а дальше уже просил Радлова помочь Богоразу [Cole 2001: 41–42].

В действительности арест Богораза произошел 27 ноября 1905 года. А уже 29-го он телеграфировал о случившемся Боасу (эта дата и стоит на процитированной телеграмме), который, в свою очередь, 4 декабря написал В.И. Йохельсону (Боас — Йохельсону, 4 декабря 1905 года)⁴ и одновременно пытался заручиться поддержкой нью-йоркского музея. Текст боасовской телеграммы Радлову согласовывался с президентом музея М. Джесупом (Джесуп — Боасу, 5 декабря 1905 года)⁵. Директор музея Х. Бампэс настойчиво призывал Боаса к сдержанности, укоряя за то, что тот действует через голову (Бампэс — Боасу, 4 декабря 1905 года; Боас — Бампэсу, 6 декабря 1906 года)⁶. Наконец, очень осторожное письмо в Санкт-Петербург, послу Северо-Американских Соединенных Штатов, отправил не сам Боас, а Джесуп (Джесуп — Майеру, 6 декабря 1905 года)⁷, что соответствовало бюрократическим правилам. Вероятнее всего, все тянули и ждали новых подробностей происшествия, которые пришли из Цюриха от Йохельсона, как раз и рассказавшего о революционном участии Богораза в съезде, а кроме того, предложившего свои услуги — привести из Москвы искомые материалы, добавив: «[Я] думаю, что в любом случае Богоразу не грозит опасность» («[Ich] denke jedenfalls nicht, den Bogoras Gefohr droht», Йохельсон — Боасу, 21 декабря 1905 года)⁸. И все успокоились, что, видимо, дало успокоение и самому Боасу. Как мы можем судить на основании сопоставлений писем из разных коллекций, его действия выглядят скорее осторожными, чем решительными.

Йохельсону не пришлось никуда ехать, поскольку ровно через две недели из Выборга вышел на связь сам Богораз, рассказав, что Общество писателей Москвы добилось его освобождения, внеся залог в размере 15 тысяч рублей, и что он бежал в Финляндию, захватив интересовавшие всех рукописи (Богораз — Боасу, 10 января 1906 года⁹; см. также: [Freed 2012: 364–370])!

Дальнейшие поступки «папы Франца» позволяют увидеть в его позиции своеобразную амбивалентность, о чем уже писалось [Кан 2021]. Надо учитывать, что он принадлежал к совершенно другому социально-культурному слою со стойкими немецкими традициями, внимательно относящемуся к соблюдению этикетных правил. Так, раз позвав Богораза с Йохельсоном на свою нью-йоркскую квартиру, хозяин нашел их «необычайно чудными» (*very curious*), а его жене они вообще не понравились из-за того, что долго не уходили, злоупотребляя гостеприимством (Боас — Софии Боас, 3 июня 1900 года; Мари Боас — Софии Боас, 23 марта 1900 года¹⁰; см. также: [Cole 1999: 197]).

В начале 1920-х, когда в Поволжье свирепствовал голод, Боас не только старался возобновить академическое сотрудничество, но и отправлял продук-

4 AMNH-DAA. Переписка Джесуповской экспедиции.

5 Коллекция Франца Боаса в библиотеке Американского философского общества (American Philosophical Society, APS).

6 APS. Коллекция Франца Боаса.

7 Там же.

8 AMNH-DAA. Переписка Джесуповской экспедиции.

9 APS. Коллекция Франца Боаса.

10 Там же.

товые посылки в Ленинград для «этнотройки»¹¹, «поскольку все деньги, какие они получают (за работу на Джесуповскую экспедицию. — *И.К.*), все равно будут потрачены на продукты» (Боас — Осборну, 19 июля 1922 года¹²; см. также: [Вахтин 2004: 48, примеч. 12]).

В то же время положение самого Боаса было довольно шатким. Эпизод, ставший уже эпическим, — исключение «отца-основателя» в 1919 году из исполнительного совета Американской антропологической ассоциации из-за публикации «Ученые как шпионы» в журнале «Нация» («*The Nation*»). В ней Боас обличал посланных правительством в Мексику четырех антропологов, которые «проституировали науку, употребив ее как прикрытие для своей шпионской деятельности» [Boas 1919]. Боас был забаллотирован примерно двумя третями голосов [Lesser 1981: 17]. Теперь известно, что в ФБР на Боаса сразу же завели дело, затем еще одно, как на пособника коммунистов, которое официально было закрыто лишь после смерти ученого [Krook 1989: 4–5].

Спустя еще пятнадцать лет, когда Советский Союз погрузился во тьму сталинской тирании, отношения Боаса с учениками его друзей изменились. Летом 1936 года он проявил глухость к просьбе студента Богораза А.С. Форштейна устроить ему одно- или двухлетнюю стажировку в Америке. В это время у Форштейна заканчивалась короткая стажировка в Датском национальном музее, и ему — по понятным нам сегодня причинам — грозила смертельная опасность по возвращении домой [Krupnik 1998: 208, 209, 213, app. 1]. В результате он действительно был приговорен к расстрелу, но приговор заменили десятью годами исправительно-трудовых лагерей, которые Форштейн отбыл не так далеко от мест своей полевой работы — на Колыме (об игнорировании Боасом просьб о помощи Форштейна, как и Широкогорова, см. статью Д. Арзютова, С. Кана, Л. Сирагузы в этом номере).

Думается, что приведенные наблюдения позволяют отказаться от изображения упомянутых событий в духе вигской интерпретации истории (*whig history*). И сделать это нас понуждает изучение всего корпуса переписки указанного периода между Боасом, руководством Американского музея естественной истории и российскими учеными.

Лингвистические мосты

Публикация писем Боаса из экспедиций по северо-западному побережью Северной Америки позволила получить более реалистичный взгляд на особенности методики его работы. В частности, была раскрыта главная «тайна» исследователя, долгое время считавшегося эталонным полевым этнографом: он общался с информантами, как правило, на английском языке и при помощи переводчиков, а если их не оказывалось, то использовал торговый жаргон чинук (лингва франка в этой части континента) [Rohner 1969: 28]. Однако это не распространялось на многих из его учеников, среди которых были и такие, чьи лингвистические таланты остаются во всех отношениях непревзойденными вплоть до сегодняшнего дня. Мы уже писали, как знаменитые шесть фил (супер-

11 Термин, который с подачи В.Г. Богораза вошел в обиход также и историков советской этнографии. Под ним понимались В.Г. Богораз, Л.Я. Штернберг и В.И. Йохельсон.

12 APS. Коллекция Франца Боаса.

семей) Сэпира, объединившие все аборигенные языки к северу от Мексики, обрастали генеалогическими подробностями в его переписке 1911—1921 годов с Крёбером, Лоуи и Радином; как Сэпир спешил поделиться своим открытием в письме Боасу, но не только не нашел у учителя понимания, а столкнулся с неприятием, правда, скрытым между строк [Кузнецов 2023]. Письма становятся тем важным источником, который позволяет нам раскрыть нюансы теоретических построений в ранней американской исторической лингвистике и лингвистической антропологии. А порой они содержат больше научной информации (или более точных формулировок), чем опубликованные тексты.

В этой части мы постараемся, проведя анализ переписки Сэпира, прояснить обстоятельства появления одной из гипотез дальнего языкового родства — так называемой индо(индейско)-китайской гипотезы. Попытка перекинуть мостик от суперсемьи на-дене, включающей в основном языки северо-западного угла Североамериканского континента, на Дальний Восток содержится в одном его письме, посланном Крёберу:

Меня прямо сейчас заинтересовала еще одна большая лингвистическая возможность. Я с трепетом говорю о ней, хотя эту зародышевую идею носил с собой уже много лет. Я не считаю, что на-дене принадлежит к другим американским языкам. Я ощущаю ее как великую внедрившуюся общину (a great intrusive band), которая, быть может, разорвала старую эскимосско-вакашско-алгонкинскую непрерывность. И я решительно чувствую старую квазиизолирующую основу. Еще есть тон, который кажется старым (высокий и низкий) — я почти уверен, что тоном атабаскские и хайда подобны тлинкитскому. Короче, не считай меня ослом, коль я всерьез развлекаюсь идеей старого индо-китайского ответвления в Северо-Западной Америке (Сэпир — Крёберу, 4 октября 1920 года¹³; см. также: [Golla 1984: 350]).

Дальше перечислялись первые примеры сходств, которые мы здесь опускаем. Р. Дарнелл высказала предположение, что на направление поисков Сэпира повлиял Бертольд Лауфер — еще один сотрудник Джесуповской экспедиции и, в сущности, единственный тогда в Соединенных Штатах профессиональный китаевед и тибетолог [Darnell 1990: 127—131]. Правда, в специально посвященной Сэпиру книге она допускает ряд неточностей, называя письмо своего героя к Лоуи от 15 февраля 1921 года «первым явным заявлением» (the first explicit statement) «индо-китайской» гипотезы. Возможно, это произошло из-за стремления подтвердить наличие лауферовского «следа»: контакты Сэпира с Лауфером имели место после указанного срока. И несколько предложений из приведенного выше письма Сэпира Крёберу по недоразумению попали у Дарнелл в цитату из его же письма Лауферу от 1 октября 1921 года, ср.: «Я не считаю, что на-дене принадлежит к другим американским языкам» («I do not feel that Na-dene belongs to the other American languages»); «Я ощущаю ее как великую внедрившуюся общину» («I feel it as a great intrusive band») и проч. [Ibid.: 128].

Далее исследовательница утверждает, что Сэпиру даже пришлось написать Крёберу повторно (24 ноября), чтобы добиться от него реакции, — 26 ноября 1921 года [Ibid.: 129]. В действительности же крёберовский ответ последовал еще в декабре 1920 года и содержал отдельный абзац, посвященный проблеме родства на-дене:

13 Библиотека Банкрофта Университета Калифорнии в Беркли, коллекция А.Л. Крёбера.

У меня было бы меньше веры в твои открытия, если бы ты объединил их с чем-то американским. Что касается азиатского происхождения на-дене, я слишком невежественен, чтобы обладать мнением, хоть и сильно чувствую предельно моносиллабический и, по существу, изолирующий характер атабаскских (Крёбер — Сэпиру, 27 декабря 1920 года¹⁴; см. также: [Golla 1984: 358]).

Ясно, что «индо-китайская» гипотеза родилась не позже октября 1920 года и, что важно, до обнаружения зимой того же года на чикагском собрании Американской ассоциации содействия развитию науки результатов семилетнего проекта по группировке североамериканских языков. Впоследствии Дарнелл устранила допущенную оплошность, приведя сэпировское письмо К. Уисслеру от 3 октября 1920 года, красноречиво свидетельствующее: его автор уже тогда задумывался о возможной близости на-дене к (пра-)сино-тибетскому [Darnell 2021: 167—168].

В докладе директора Института языкознания РАН А.А. Кибрика на конференции, посвященной Сэпиру и его наследию (2021), снова прозвучала идея, что возможное родство на-дене с китайским, вопреки только что приведенным фактам, было постулировано достаточно поздно, в 1922—1923 годах, после того как Сэпир натолкнулся на систему тонов в атабаскских языках. Ссылаясь на Майкла Краусса [Krauss 2005], Андрей Алексеевич подчеркнул решающую роль, которую в этом открытии сыграл сэпировский ученик Фан-Гуй Ли. Будто бы Сэпир сперва пропустил тоны в навахо, но расслышал их в сарси, после чего послал в поле в Северную Калифорнию и Канаду более привычного к китайским тонам Ли — расставить все точки над *i*. Тот же обнаружил странную вещь — зеркальные по отношению к сарси, навахо и кучин тоны в чипевайанском и хэр (вместо восходящего нисходящий и наоборот). Уже в конце жизни Сэпир намеревался поехать в Китай, чтобы продолжить исследование самостоятельно, но не успел.

Дабы решить частную проблему такой инверсии, Краусс [Krauss 1964] предположил, что в (пра)атабаском тоны отсутствовали, возникнув позже (причем не во всех дочерних языках) как рефлексии «глоттального сжатия» (constriction), присутствовавшего изначально. Разумеется, это новое обстоятельство выводит соответствующий аргумент из числа возможных доказательств родства на-дене и сино-тибетских. Но, как опять-таки показывает процитированное выше письмо Крёберу, Сэпир задолго до упомянутого срока знал о существовании тонов, обнаруженных в языке тлинкит еще Боасом, и, подчеркнем это, будучи «почти уверен, что тоном атабаскские и хайда подобны тлинкитскому», с самого начала использовал заинтересовавший его факт в своих рассуждениях. Например, в статье 1922 года он прямо пишет об этом: «Тональные соответствия между тлинкитским и атабаскскими представляют собой важный дальнейший аргумент в недавно выдвинутой теории на-дене» [Sapir 1922: 390].

Оба высказанных предположения — не что иное, как презентистское сглаживание шероховатостей истории науки. В аргументации Дарнелл появление «индо-китайской» гипотезы у Сэпира (неважно, подсказал идею Лауфер или нет) выглядит соблазнительно «логично» — как завершающий этап в последовательном восхождении к новой теории и очередному уровню обобщения

14 Там же.

(вначале — формулирование шести фил, затем — вывод о внешнем родстве одной из них). Кибриком (и возможно, Крауссом) успех, к которому в итоге пришли Сэпир и его коллеги, объясняется чрезмерно раздутым участием в открытии носителя китайского языка, что также оказывается не более чем мифом.

В этом сюжете есть еще одна заслуживающая внимания линия, которая раскрывается также благодаря переписке ученых. Осенью 1921 года Сэпир продолжал информировать Крёбера о своих достижениях: «Давно хотел написать тебе о на-дене и индо-китайском, но мои сведения накапливаются так быстро, что тяжело сесть и выдать идею» (Сэпир — Крёберу, 1 октября 1921 года¹⁵; см. также: [Golla 1984: 374]). Лингвист намеревался подготовить масштабное компаративистское исследование на основе уже собранной им лексики, представляющей все ветви на-дене, — «около трехсот сопоставимых радикальных элементов, к которым я постоянно добавляю»; но прежде собирался «опубликовать специальные статьи по избранным частям грамматики на-дене, например, некоторым архаичным послелогам; или указательным основам; или общим моментам синтаксиса» (Сэпир — Крёберу, 1 октября 1921 года¹⁶; см. также: [Ibid.: 376]). В письмо, машинописную копию которого получил Лауфер, вошли также примеры вероятных когнатов (тлинкит *k'a* «поверхность», навахо *k'ā* «то же», тибет. *k'a* «то же», кит. *t'an* «уголь», хайда *s-t'an* «то же» и проч.). Но отдельные места этого послания позволили Крауссу сделать вывод, что его автора «занесло далеко за пределы любых объективно оправданных выводов» [Krauss 1973: 963; Sapir 1991: 139]. Рассуждения Сэпира о «групповом параллелизме» (group-parallelism) больших семантических гнезд корней *lu, *lu, будто бы обнаруживающихся на глубинном уровне и в на-дене, и в сино-тибетских, могут напомнить историкам российской науки пресловутый четырех-элементный анализ академика Н.Я. Марра. Сэпир писал:

Не вдаваясь в подробности, коснусь еще одной интересной группы. Я говорил об ат(апаскском) *-lɛ «решать» и его производном *t'ɛl «сверло для получения огня». К этим же формам принадлежит хайда *li* «окружать, двигаться вокруг». В индо-китайском мы имеем хорошо раскрываемый комплект из тибетских *ge* и *gil*... (Сэпир — Крёберу, 1 октября 1921 года¹⁷; см. также: [Golla 1984: 377, 382]).

Нечего и говорить, из запланированной серии публикаций, как это бывало у Сэпира и раньше, вышла лишь статья по частному вопросу (об образовании в атапасских языках относительных форм прилагательных), да заметка репортажного типа в приложении к журналу «Наука» («Science»), анонсирующая «индейско-китайскую» гипотезу в целом [Sapir 1923; 1925]. Неопубликованный дене-китайский словарь, включающий более ста лексических сравнений, хранится в Американском философском обществе¹⁸. Уже отмечалось, что сэпировские теории и догадки зачастую существуют лишь в переписке и так и не были доведены до статей в академических журналах [Кузнецов 2023: 329].

Американские ученые явно следили за революцией, которую вершили в советском языкознании марристы. Леонард Блумфилд, в широком смысле

15 Библиотека Банкрофта Университета Калифорнии в Беркли. Коллекция А.Л. Крёбера.

16 Там же.

17 Там же.

18 APS MS 497.3 B63c Na20a.3. Vol. 2.

из боасовского окружения, но во многом антипод Сэпира, состоял в переписке со Л.Я. Штернбергом и В.Г. Богоразом и получал от последнего «Яфетические этюды» (Блумфилд — Богоразу, 18 сентября 1933 года)¹⁹. Об интересе к достижениям «яфетидологии» свидетельствует и еще одно сэпировское письмо:

Сегодня уже хорошо понятно, что ю(жно-)кавказский принадлежит с(еверо-)кавказскому. Может быть, даже мудро будет присмотреться к кавказско-малоазийско- (лидийский, ликийский и др.) -этрusco-баскскому, или «яфетическому» синтезу, который (сейчас) появляется. Кавказско-баскские сходства ни в коей мере не надо обсмеивать (Сэпир — Крёберу, 15 июня 1924 года²⁰; см. также: [Golla 1984: 413]).

Как бы то ни было, следующее серьезное обращение к теме возможного дальнего родства сино-тибетских и на-дене принадлежало С.А. Старостину, который в начале 1980-х годов выступил с открытием так называемой сино-кавказской макросемьи, добавив к упомянутым двум семьям еще и северокавказскую, баскскую, бурушаски и енисейскую. Едва ли зная о существовании дене-китайского словаря, как и об остальных успехах своего предшественника, не говоря уже о сохранившейся в архивах переписки, гениальный советский лингвист существенно продвинул вперед пунктирную историю «индо-китайской» гипотезы.

«Качающаяся из стороны в сторону»

События завершающих сюжетов относятся к 1930-м годам. Этот период часто называют «красным десятилетием» (Red Decade), и абсолютно оправданно: интенсивность российско-американских связей, возможно, достигла тогда максимума за всю историю, во всяком случае в антропологии. СССР посещали А. Хрдличка, Л. Уайт, Б. Стерн, Г. Филд. В те годы в Институте антропологии, археологии и этнографии (ИААЭ), который располагался в Ленинграде, можно было встретить студентов А.Л. Крёбера и Р. Лоуи, протеже М. Херсковица, приезжавших чуть ли не каждый год. Работали обменные программы: в советской аспирантуре обучался боасовский ученик Финни; только что вернулась из американской стажировки Юлия Павловна Аверкиева. В фокусе еще одной истории, которую мы хотели бы разобрать, находится именно она.

Историки советской этнографии уже отмечали, что образ Ю.П. Аверкиевой был значительно романтизирован, в чем нет ничего удивительного, ведь Юлии Павловне единственной из отечественных этнографов удалось вживую слушать лекции «классиков»: Р. Бенедикт, Г. Рейчард (Рейхард) и самого «папы Франца» (Аверкиева — Богоразу, 12 октября 1929 года, 12 января 1930 года, 11 марта 1930 года)²¹, с которым она даже съездила к квакквавакв (квакиутль) в Британскую Колумбию. Так, М. Шерман (антрополог-любитель), инициатор и редактор американской публикации шнуровых фигур, собранных Аверкиевой у квакквавакв, утверждал, что «они почтили ее официальным принятием в свое племя», наградив «личным тотемом в образе орла» — резным изображением, которое исследовательница всю жизнь хранила на своем

19 Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН).

20 Библиотека Банкрофта Университета Калифорнии в Беркли. Коллекция А.Л. Крёбера.

21 СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 4. Д. 3.

столе [Averkiewa, Sherman 1992: xvii—xviii]. Более искусственный Э.Л. Нитобург добавлял детали про «специальный обряд принятия Юлии в члены одного из родов племени» и про ее «индейское имя Хвуана», будто бы как-то связанное с этим обрядом [Нитобург 2003: 403]. При этом оба основывались на воспоминаниях старшей дочери и внука Юлии Павловны, которых при всем уважении нельзя считать сведущими в тонкостях этнографической методики.

Но отделить украшения, прибавленные рассказчиками, от фактических событий в поле все же возможно. Прежде всего из переписки Боаса (Боас — сестре Тони, 27 октября 1930 года; Боас — Рут Бенедикт, 9 ноября 1930 года, 13 ноября 1930 года и др.²²; см. также: [Rohner 1969: 289—293]) следует, что его спутница пробовала общаться с женщинами квакквавакв, выпрашивая самые разные вещи, плетя корзины, разучивая с ними танцы²³. Как в свое время заметил Билл Холм (личная переписка с автором настоящей статьи), «Хвуана» (кваквала *w^hāni*, букв. «качающаяся из стороны в сторону») отнюдь не является престижным именем, которое обретают на потлачах. Напротив, оно скорее указывает на неуклюжесть его обладательницы, например на то, что та плохо еще освоила танцевальную культуру, ср. отрывок из боасовского письма: «Джулия изучает танец, но я считаю, что он слишком труден, чтобы изучить его быстро. В любом случае через критику, которую она слышит, я изучаю, что чем тут повсюду является» (Боас — сыну Эрнсту, 18 ноября 1930 года²⁴; см. также: [Ibid.: 291—292]). Что же касается доставшейся Аверкиевой фигурки тотемного столба, то, по мнению Холма, это просто подарок, никак не связанный с новым прозвищем.

Да и можно ли было надеяться настолько быстро стать своим, «быть принятым в племя»? Экспедиционный выезд Боаса и Аверкиевой зимой 1930—1931 годов продлился чуть более двух месяцев. Естественно, столь кратковременной полевой работы недостаточно было и для того, чтобы овладеть языком кваквала (квакиутль). «Почти полное отсутствие в работе лингвистического материала» отмечается в отзыве о кандидатской диссертации Юлии Павловны, подготовленном Богоразом — ее руководителем [Кан 2018: 75]. Исходя из здравого смысла, С. Кан предлагает датировать этот хранящийся в архиве Кунсткамеры документ, увы, без даты, коротким периодом 1934—1935 года (защита Аверкиевой состоялась в июле 1935 года). Но эта версия вызывает сомнения.

Научный руководитель хоть и хвалит свою диссертантку за то, что та впервые попыталась подвергнуть имеющиеся данные «социологическому анализу, притом на основе марксистско-ленинского метода», но все же настойчиво советует ей не замалчивать «главенствующее значение Боаса» и активнее упоминать в тексте боасовские работы [Там же]. В обстановке распространявшейся враждебности к зарубежным ученым такое поведение Богораз, умевшего в других ситуациях показать свою лояльность власти, выглядело бы непродуманным и даже провокационным. Не стоит забывать, что в августе — сентябре 1936 года, то есть через год с небольшим после защиты, Аверкиеву по доносу исключают из комсомола и увольют из Музея антропологии и этногра-

22 APS. Коллекция Франца Боаса (Boas Family Papers).

23 Кинохроника танцев квакквавакв, снятая Боасом и Аверкиевой хранится в Музее естественной истории и культуры имени Бёрка в Сизтле.

24 APS. Коллекция Франца Боаса (Boas Family Papers).

фии АН СССР, и это будет только началом мытарств и страданий, выпавших на ее долю. В библиографическом списке к диссертации Аверкиевой значится аж пятнадцать боасовских работ. Ссылок на них предостаточно как в краткой версии ее диссертации, вышедшей в виде статьи тогда же, в 1935 году, так и в пространной, в сотню страниц, опубликованной позже. Вступление к варианту 1941 года содержит еще и реверанс пионеру этнографии северо-западного побережья Северной Америки [Аверкиева 1935; 1941: 3]. Что-то тут не так.

Риснем предположить: отзыв может относиться и к более раннему времени. Не исключено, что он писался на какой-то неокончательный вариант работы, в который послушная аспирантка постаралась затем внести исправления. Публично защищать кандидатские диссертации начали в СССР лишь за год до этого, и советский ритуал защиты к тому времени еще не установился. А в западной академии докторанты до сих пор перед тем, как сдать итоговый текст в библиотеку, правят его, как того требуют оппоненты.

Судя по переписке, Аверкиева и впрямь просила прислать ей из Нью-Йорка какие-нибудь материалы, необходимые для овладения основами изучаемого языка, и в сентябре 1933 года получила их и, надо полагать, в большом объеме:

Мой дорогой папа Франц.

Огромное спасибо за Ваше сердечное письмо и за Вашу великую доброту, выразившуюся в посылании мне грамматики квакиутль. Все это слишком много для меня, и гораздо больше, чем я ожидала. Я хотела, мой друг, узнать от Вас, где возможно получить такую грамматику. Из США я привезла библиографию литературы по Северо-Западу, но у меня нет ее по грамматике, где и когда она была издана, я не знала. Сейчас я изучаю язык квакиутль и особенно суффиксы, читаю их от начала до конца, но, как я представляю, необходимо выучить их наизусть. Вы думаете, это верно?.. Изучение языка квакиутль займет много времени, но мне надо его знать. Очень жалею, что не учила его, когда находилась с Вами. Теперь это будет гораздо сложнее (Аверкиева — Боасу, 9 октября 1933 года)²⁵.

Из содержания письма понятно, что указанная просьба датируется весной-летом 1933 года. А затем все эти суффиксы Юлия Павловна не менее года пыталась «выучить наизусть» (Аверкиева — Боасу, 24 марта 1934 года)²⁶. Кстати, тогда же она начала знакомиться с ранними публикациями Боаса: «Нашла сейчас Reports of Br. Ass. For Adv. of Sc. с Вашими отчетами по племенам Северо-Западного побережья, которые могут оказать хорошую помощь» (Аверкиева — Боасу, 9 октября 1933 года)²⁷. Если предположить, что богоразовский отзыв датируется примерно тем же временем, тогда все может встать на свои места, ибо 1933 год и даже большая часть 1934-го были совсем не такими «жаркими», как самый конец года после убийства Кирова, и особенно последовавший 1935-й...

Но остается одна неясность — никакая грамматика кваквала на тот момент не была еще опубликована. Скорее всего, то, что Аверкиева и Богораз упорно так называли, представляло собой всего лишь краткое описание соответствующего языка из первого тома «Руководства по языкам американских индейцев»

25 APS. Коллекция Франца Боаса.

26 Там же.

27 Там же.

(«Handbook of American Indian Languages») [Boas 1911], действительно упомянутого среди источников в диссертации. Едва ли, однако, 135 страниц этого очерка, хоть и исключительно емкого, могли настолько поразить ее своим объемом («Все это слишком много для меня, и гораздо больше, чем я ожидала...»). Увы, приведенный в тексте лингвистический материал — два абзаца слов кваквала, связанных с корнем *q'.aku* || *q'.ak'o* «раб» [Аверкиева 1941: 64], без единой ссылки — мог быть почерпнут как из упомянутой публикации, так и из какого-то боасовского манускрипта, оказавшегося, возможно, в руках у Юлии Павловны. По-видимому, мы никогда не узнаем, вложил ли Боас в посылку также рукопись своей работы, готовящейся к изданию (выйдет только в 1947 году)! Ведь большая часть бумаг Аверкиевой ленинградского периода совсем скоро сгинет в кабинетах сталинского МГБ. Сохранилась только выполненная ее рукой девятистраничная рукопись «Основные элементы языка Kwakiutl», опять-таки недатированная²⁸.

На наш взгляд, рассмотрение переписки между «папой Францем» и его «Джулией» имеет двоякий смысл, поскольку не только уточняет некоторые биографические детали, а порой и ставит новые вопросы (как в случае с «грамматикой квакиутль»), но и делает более реалистичным, защищенным от ненужной героизации образ советского этнографа раннего периода.

В стране социализма

Несмотря на то что многие американцы — фигуранты «красного десятилетия» искренне сочувствовали левым идеям, их мысли и деятельность (как и их советских коллег) власть пыталась контролировать, так что переписка, которую они вели с заокеанскими адресатами, в основном не отличалась многословием и информативностью. Однако при рассмотрении следующего сюжета будет показано, насколько даже сухие письма пригодны для анализа, позволяя пополнить наше знание о разветвленной сети взаимоотношений американских и российских антропологов той эпохи.

Нез-перс Арчи Финни был послан в Ленинград по договоренности между Боасом и Богоразом изучать советский опыт «коренизации» с возможностью по возвращении применить его в работе вашингтонского Бюро по делам индейцев (БДИ), которое тогда возглавлял социалист Джон Колльер. Финни занимался также доведением до публикации текстов, собранных еще на родине, в резервации Лапуэй, штат Айдахо, а кроме того, по собственной инициативе вызвался написать грамматику сахаптинского (нез-перс) языка. Уже во втором своем письме он предупредил Боаса, что почту просматривают (Финни — Боасу, 26 декабря 1932 года)²⁹.

Молодой американец успел чуть ли не на последний пароход в 1937 году, но и до этого несколько раз порывался уехать домой, и впервые — спустя год и три месяца после приезда в Россию. 1 февраля 1934 года он просил о рекомендации в Йельский университет, где при департаменте расовых отношений для индейских студентов открылась специальная программа под руководством

28 Научный архив Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. Ф. 16. Ед. хр. 447.

29 APS. Коллекция Франца Боаса.

профессора Чарльза Лорэма. Уроженец Наталя Лорэм, большой специалист по обучению представителей расовых меньшинств, лишь тремя годами ранее переселился из Южной Африки, чтобы преподавать в Нью-Хейвене. Финни в письме настойчиво подчеркивал, что о стипендии «случайно узнал» через БДИ, и что если ее получит, то окажется «в лучшей позиции, чтобы быть представленным Индейской службе» (Финни — Боасу, 1 февраля 1934 года)³⁰. Боас оперативно заполнив требуемую форму, отослал ее в Йель (Боас — Финни, 23 февраля 1934 года)³¹. Но из затеи все равно ничего не вышло, как, к сожалению, часто бывает.

На этой истории стоит остановиться подробнее. Спустя всего лишь три дня после упомянутой просьбы Боас почему-то решил уточнить у Арчи, не написал ли тот Колльеру, что, как он уже говорил, было бы неплохо сделать (Боас — Финни, 4 февраля 1934 года)³². При этом и Колльер дважды за это время выспрашивал об Арчи у профессора. Если верить Финни, тонущему всякий раз в царстве бюрократии, то он действительно послал в Бюро документы, но нерадивые клерки их потеряли и продолжали искать еще и в августе (Боас — Финни, 2 августа 1934 года)³³. Закрадывается, однако, сомнение, были ли у него в действительности такие контакты с БДИ и не находился ли источник информации где-нибудь вне этой организации. Ведь таким «советчиком» мог быть и кто-то непосредственно в Йеле, например Альфред Хадсон или его жена Элизабет Бэкон.

А. Хадсон собирался в СССР, чтобы принять участие в экспедиции под руководством академика А.Н. Самойловича по изучению тюрков. В связи с этим Э. Сэпир, который с 1931 года возглавлял департамент антропологии в Нью-Хейвене, попросил Ф. Боаса написать для Хадсона рекомендацию на получение гранта от Мемориального фонда Джона Саймона Гутгенхайма, но тот отказался, объяснив свое решение тем, что в Ленинград уже пригласили Финни (Боас — Сэпиру, 25 октября 1932 года)³⁴; см. также: [Willard 2004: 11]. Возникший конфуз может объяснять, почему Финни неудобно было ссылаться на имя йельского антрополога. Так, еще в начале 1934-го супруги все-таки добрались (Аверкиева — Боасу, 24 марта 1934 года)³⁵ до ИААЭ, получив финансирование в своем университете. Летом того же года Хадсон и Бэкон посетили Алма-Ату и провели там непродолжительные полевые исследования, в результате которых впоследствии каждый выпустит по добротной книге. Альфред защитит диссертацию в 1937 году в своей альма-матер (Йельский университет), Элизабет — в 1951-м в Университете Калифорнии в Беркли.

Впоследствии Хадсон станет преподавать в Университете Вашингтона, а в 1939—1940 годы, во время сооружения грандиознейшей плотины Гранд-Кули, он вместе с сыном Дж. Колльера Дональдом будет вести раскопки на подступах к резервации Колвилл (штат Вашингтон), сотрудничая с группой нез-перс [Collier et al. 1942]. Хорошо известно о левой позиции Хадсона — в Йеле он вроде бы даже переделывал гимн университета на коммунистичес-

30 Там же.

31 Там же.

32 Там же.

33 Там же.

34 Там же.

35 Там же.

кий лад. Безусловно, его деятельность расследовалась, но точных данных у нас нет [Price 2004: 174; 372].

О тесных отношениях Хадсона с Финни свидетельствует следующий факт: после смерти последнего в его кабинете найдут копию хадсоновской диссертации. У. Уиллард ведет как будто бы отдельную линию от Элизабет Бэкон к ленинградскому milieu Арчи. В Музее Бернис Бишоп, где она прежде работала, ее коллегой была Люси Нокс, которая также какое-то время находилась в ИААЭ, но за день до приезда Хадсонов перебралась в Москву [Willard 2004: 12].

Впрочем, и Альфред должен был знать подругу своей жены, сочувствовавшей левым взглядам, поскольку в те же годы вел археологические раскопки в Гонолулу: на сайте «eBay» выставлен раритет — машинопись его неизданной «Археологии Восточных Гавайев» 1931 года. Кроме того, с 1934 года в попечительский совет Музея Бишоп входил все тот же Ч. Лорэм [McLeod, Paisley 2016], а в его личном архиве сохранились три недатированные рукописи, одна из которых принадлежит авторству Бэкон «Физические расовые различия» («Physical Race Differences»), а две других точно связаны с поездкой ее и Хадсона в СССР: «Казахи (краткое описание)» («The Kazaks (Outline)») и «Народы СССР» («Soviet Nationalities»)³⁶. Это еще больше убеждает нас, что между программой Лорэма и нашим героем стояла указанная пара.

Мы уже видели, что изучение переписки позволяет существенно уточнить, как выстраивались взаимоотношения американских и российских антропологов. Последний сюжет, письма Боаса Финни и коллизия, возникшая вокруг возможного трудоустройства последнего по возвращении в Америку, вводят в эту сеть в дополнение к другим, ранее известным фигурам, новые имена — молодых йельских антропологов, десятилетия спустя зарекомендовавших себя в качестве серьезных специалистов по СССР (в этнографии казахов), а кроме того, Сэпира — еще одного боасовского ученика.

* * *

Хочется надеяться, что какие-то из рассмотренных случаев способствуют «работе над ошибками», корректируя ряд гипотез, уже высказывавшихся исследователями, другие же, возможно, уберегут нас от воспроизводства расхожих стереотипов, сопровождающих изучение «героических» периодов в истории антропологии. Однако, взятые в совокупности, эти сюжеты, безусловно самодостаточные, позволяют сделать ряд выводов, приложимых не только к изучению уникального материала, такому, как представленный здесь, но и к любой другой теме или сюжету, заинтересовавшим историка науки. Несмотря на то что речь идет о, казалось бы, хорошо и давно известных вещах, их стоит все же периодически проговаривать вновь. Как еще объяснить, почему такие профессионалы с большой буквы, как Даглас Коул или Регна Дарнелл, стоящие у истоков современной истории антропологии, способны были допустить описанные выше оплошности?

Поворот в сторону активного использования личной переписки в серьезных исследованиях по истории антропологии в США произошел достаточно

36 Библиотека Йельского университета. Коллекция Чарльза Лорэма (Charles Templeman Loram Papers). Box 2. Folders 57, 100; Box 7. Folder 147.

поздно, несмотря на длительное знакомство антропологического сообщества с этим материалом. В 1968 году Джордж Стокинг — младший (1928—2013) продемонстрировал, как некорректно подобранная цитата из письма может привести к ошибочным выводам. Накануне среди учеников Боаса (Р. Бенедикт, М. Херсковиц, М. Смит и др.) разгорелась дискуссия по вопросу о роли полевого опыта в становлении его как профессионала. Стокинг же, опираясь на куда более полную коллекцию писем, связанных с пребыванием «отца-основателя» на Баффиновой Земле, заключал: «...к несчастью, письмо, которое попало в руки Херсковицу, волею случая оказалось одним из наименее информативных из серии писем, написанных в течение 1882 и 1883 годов Боасом своему дяде д-ру Абрахаму Якоби» [Stocking 1968: 137]. Широкое привлечение в научные изыскания архивных документов, осуществленное этим блестящим историком антропологии, открыло дорогу обильному цитированию эпистолярного наследия самых разных авторов, которым до сих пор отличаются труды плеяды стокинговских последователей.

На наш взгляд, первый сюжет о помощи Боаса арестованному в 1905 году Богоразу в общем близок ситуации, описанной только что. В обоих случаях исследователи делали выводы, не слишком заботясь о полноте фактического материала. И отсюда первое требование — необходимо отойти от привычного использования писем только лишь как иллюстративного материала, служащего для придания большей эмоциональной выразительности, для расцветивания событий или для того чтобы, выхватив удачно подошедший фрагмент, показать читателю внутренний мир героя повествования. *Переписка должна рассматриваться непременно как комплекс, последовательность текстов, неразрывно связанная логически и сюжетно.*

Письмо, используемое в качестве этнографического источника, может быть сопоставимо с собственно полевым материалом, наличие которого с точки зрения требований профессии делает исследования антрополога легитимными. В сюжете, связанном с Сэпиром, мы обратили внимание на еще одно обстоятельство — иногда общение через послания по почте может заменять ученым более традиционные способы донесения до аудитории своих знаний, наблюдений и даже открытий. Некоторые важные взгляды и находки этого великого боасовца не нашли своего отражения в публикациях, но сохранились в письмах учителю, друзьям и соратникам. Под таким углом *переписку возможно трактовать и как специфический жанр научного творчества* наряду со статьями в реферируемом журнале, диссертацией, докладом на конференции, либо лекцией перед студентами в университете. При этом, несомненно, надо учитывать все специфические черты, сильные и слабые стороны, присущие языку и стилю предполагаемого жанра.

До сих пор мы расширяли полномочия писем как источника, теперь же самое время указать на ограничители их информативности. Ситуация, сложившаяся в СССР в «красное десятилетие», напомнила в очередной раз: не всегда стоит доверять авторам писем, как и понимать все, что ими написано, буквально. Контрапунктом звучит следующее: те самые комплексы, на которые мы так уповали выше, в условиях перлюстрации часто оказывались разрушены. Даже дошедшие из-за океана письма могли частично или полностью уничтожаться адресатом, изыматься в ходе обысков и т.д. и т.п. Поэтому единственный способ разобраться в сложном клубке отношений антропологов той или всякой близкой по своему характеру эпохи — вернуться к решению старой

лотмановской проблемы «автор — аудитория — текст», различая тексты «для всех» и «только для своих». Мы должны попытаться понять, что хотят сказать их авторы, для чего они говорят и что скрывают, оглядываясь на аудиторию, или же ни при каких обстоятельствах не забывать о необходимости тщательного изучения контекста, в котором функционирует переписка.

То, что по какой-то причине всего этого не происходит, свидетельствует лишь о незрелости области науки, которую мы представляем. Причем критика последних десятилетий в этом смысле только развязала руки некоторым современным историографам. В качестве примера можно привести мнение Венди Уикуайр, увидевшей противоречие между стремлением этих исследователь к «революционной» фразеологии и, в сущности, старым модернистским антропологическим бэкграундом [Wickwire 2017: 179]. Иронично о сложившейся ситуации высказался в личном сообщении Н.Б. Вахтин: «Какую идею ни возьми, обязательно найдется какой-нибудь монах в XVI веке, который уже все то же самое сказал». Практику, когда исторические цепочки устанавливаются совсем уж свободно, минуя многие важные звенья, контекст подменяется аналогией, разумность — рациональностью, а понимание — оценочным суждением, Стокинг мог бы назвать презентизмом.

Библиография / References

- [Аверкиева 1935] — *Аверкиева Ю.П.* Рабство у племен северо-западного побережья Северной Америки // Советская этнография. 1935. № 4—5. С. 40—61.
- (*Averkieva Yu.P.* Rabstvo u plemen severo-zapadnogo poberezh'ya Severnoy Ameriki // Sovetskaya etnografiya. 1935. No. 4—5. P. 40—61.)
- [Аверкиева 1941] — *Аверкиева Ю.П.* Рабство у индейцев Северной Америки. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941.
- (*Averkieva Yu.P.* Rabstvo u indeytsev Severnoy Ameriki. Moscow; Leningrad, 1941.)
- [Вахтин 2004] — *Вахтин Н.Б.* «Наука и жизнь»: Судьба Владимира Йохельсона (По материалам его переписки 1897—1934 гг.) // Бюллетень: антропология, меньшинства, мультикультурализм. 2004. № 5. С. 35—49.
- (*Vakhtin N.B.* "Nauka i zhizn'": Sud'ba Vladimira Iokhel'sona (Po materialam ego perepiski 1897—1934 gg.) // Bulletin: anthropology, minorities, multiculturalism. 2004. No. 5. P. 35—49.)
- [Кан 2018] — *Кан С.А.* Юлия Аверкиева и Франц Боас: взаимная симпатия и идеологические разногласия // Этнографическое обозрение. 2018. № 3. С. 70—79.
- (*Kan S.A.* Yuliya Averkieva i Franz Boas: vzaimnaya simpatiya i ideologicheskie raznoglasiya // Etnograficheskoe obozrenie. 2018. No. 3. P. 70—79.)
- [Кан 2021] — *Кан С.А.* Франц Боас и Советская Россия: 25 лет амбивалентности // Сибирские исторические исследования. 2021. № 1. С. 40—61.
- (*Kan S.A.* Franz Boas i Sovetskaya Rossiya: 25 let ambivalentnosti // Sibirskie istoricheskie issledovaniya. 2021. No. 1. P. 40—61.)
- [Кузнецов 2023] — *Кузнецов И.В.* Из истории изучения дальнего родства: шесть фил в Северной Америке // Вопросы языкового родства. 2023. № 21/3—4. С. 300—332.
- (*Kuznetsov I.V.* Iz istorii izucheniya dal'nego rodstva: shest' fil v Severnoy Amerike // Voprosy yazykovogo rodstva. 2023. No. 21/3—4. P. 300—332.)
- [Михайлова 2004] — *Михайлова Е.А.* Владимир Германович Богораз: ученый, писатель, общественный деятель // Выдающиеся отечественные этнографы и антропологи XX века. М.: Наука, 2004. С. 95—134.
- (*Mikhailova E.A.* Vladimir Germanovich Bogoraz: uchenyy, pisatel', obshchestvennyy deyatel' // Vydayushchiesya otechestvennyye etnografy i antropologi XX veka. Moscow, 2004. P. 95—134.)
- [Нитобург 2003] — *Нитобург Э.Л.* Ю.П. Петрова-Аверкиева: ученый и человек //

- Репрессированные этнографы. Вып. 2 / Сост. и отв. ред. Д.Д. Тумаркин. М.: Восточная литература, 2003. С. 399—428.
- [Nitoburg E.L. Yu.P. Petrova-Averkieva: uchenyy i chelovek // Repressirovannyye etnografy. Vol. 2 / Comp. and ed. by D.D. Tumarkin. Moscow, 2003. P. 399—428.)
- [Averkieva, Sherman 1992] — *Averkieva J., Sherman M.* Kwakiutl String Figures / American Museum of Natural History, Anthropological Papers No. 71. Seattle: University of Washington Press; New York: American Museum of Natural History, 1992.
- [Boas 1911] — *Boas F.* Kwakiutl // Handbook of American Indian Languages: In 2 pts. Pt. 1 / Bureau of American Ethnology, Bulletin No. 40. Washington: Government Printing Office, 1911. P. 423—558.
- [Boas 1919] — *Boas F.* Scientists as Spies // The Nation. 1919. Vol. CIX. No. 2842. P. 797.
- [Cole 1999] — *Cole D.* Franz Boas. The Early Years, 1858—1906. Seattle: University of Washington Press, 1999.
- [Cole 2001] — *Cole D.* The Greatest Thing Undertaken by Any Museum? Franz Boas, Morris Jesup, and the North Pacific Expedition // Gateways: Exploring the Legacy of the Jesup North Pacific Expedition / Ed. by I. Krupnik, W. Fitzhugh. Washington, D.C.: Arctic Studies Center, Smithsonian Institution, 2001. P. 29—70.
- [Collier et al. 1942] — *Collier D., Hudson A., Ford A.* Archaeology of The Upper Columbia Region. No. 1. Seattle: University of Washington Press, 1942.
- [Darnell 1990] — *Darnell R.* Edward Sapir: Linguist, Anthropologist, Humanist. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1990.
- [Darnell 2021] — *Darnell R.* The History of Anthropology. A Critical Window on the Discipline in North America. Lincoln: University of Nebraska Press, 2021.
- [Eriksen, Nielsen 2001] — *Eriksen Th., Nielsen F.* A History of Anthropology. London; Sterling VA: Pluto Press, 2001.
- [Freed 2012] — *Freed S.* Anthropology Unmasked: Museums, Science, and Politics in New York City. Vol. 1. The Putnam—Boas Era. Wilmington: Orange Frazer Press, 2012.
- [Freed et al. 1988a] — *Freed S., Freed R., Williamson L.* The American Museum's Jesup North Pacific Expedition // Crossroads of Continents: Cultures of Siberia and Alaska / Ed. by W. Fitzhugh, A. Crowell. Washington, D.C.: Smithsonian Institution Press, 1988. P. 97—104.
- [Freed et al. 1988b] — *Freed S., Freed R., Williamson L.* Capitalist Philanthropy and Russian Revolutionaries: The Jesup North Pacific Expedition (1897—1902) // American Anthropologist. 1988. Vol. 90. P. 7—24.
- [Golla 1984] — The Sapir-Kroeber correspondence / Ed. by V. Golla. Berkeley: University of California Press, 1984.
- [Krauss 1964] — *Krauss M.* Proto-Athabaskan-Eyak and the Problem of Na-Dene I: Phonology // International Journal of American Linguistics. 1964. Vol. 30. P. 118—131.
- [Krauss 1973] — *Krauss M.* Na-Dene // Linguistics in North America / Ed. by Th. Sebeok. The Hague: Mouton, 1973. P. 903—979.
- [Krauss 2005] — *Krauss M.* Athabaskan Tone // Athabaskan Prosody / Ed. by Sh. Hargus, K. Rice. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Co., 2005. P. 51—136.
- [Krook 1989] — *Krook S.* Franz Boas (a.k.a. Boaz) and the FBI // History of Anthropology Newsletter. 1989. Vol. 16. No. 2. P. 4—11.
- [Krupnik 1998] — *Krupnik I.* Jesup Genealogy: Intellectual Partnership and Russian-American Cooperation in Arctic/North Pacific Anthropology. Pt. I. From the Jesup Expedition to the Cold War, 1897—1948 // Arctic Anthropology. 1998. Vol. 35. No. 2. P. 199—226.
- [Kuznetsov 2006] — *Julia Averkieva/Franz Boas Correspondence (1931—37) / Ed. by I. Kuznetsov // Bulletin: anthropology, minorities, multiculturalism 2006. Vol. 1. No. 1—3. P. 117—159.*
- [Lesser 1981] — *Lesser A.* Franz Boas // Totems and Teachers. Perspectives on the History of Anthropology / Ed. by S. Silverman. New York: Columbia University Press, 1981. P. 1—33.
- [McLeod, Paisley 2016] — *McLeod J., Paisley F.* The Modernization of Colonialism and the Educability of the “Native”: Transpacific Knowledge Networks and Education in the Interwar Years // History of Education Quarterly. 2016. Vol. 56. No. 3. P. 473—502.
- [Price 2004] — *Price D.* Threatening Anthropology: McCarthyism and the FBI's Surveillance of Activist Anthropologists. Durham; London: Duke University Press, 2004.
- [Rohner 1969] — The Ethnography of Franz Boas: Letters and Diaries of Franz Boas Written on the Northwest Coast From 1886 to 1931 / Ed. by R. Rohner. Chicago: University of Chicago Press, 1969.
- [Sapir 1922] — *Sapir E.* Athabaskan Tone // American Anthropologist. 1922. Vol. 24. No. 3. P. 390—391.
- [Sapir 1923] — *Sapir E.* A Type of Athabaskan Relative // International Journal of American Linguistics. 1923. Vol. 2. P. 136—142.
- [Sapir 1925] — *Sapir E.* The Similarity of Chinese and Indian Languages (Report of an interview) // Science. 1925. Vol. 62. No. 1607. P. xii—xiii.

[Sapir 1991] — *Sapir E.* The Collected Works: In 10 vols. Vol. 6. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1991.

[Stocking 1968] — *Stocking G.* Race, Culture, and Evolution: Essays in the History of Anthropology. New York: Free Press, 1968.

[Wickwire 2017] — *Wickwire W.* The Quest for the “Real” Franz Boas: A Review Essay // *BC Studies*. 2017. No. 194. P. 173—193.

[Willard 2004] — *Willard W.* The Nez Perce Anthropologist // *Journal of Northwest Anthropology*. 2004. Vol. 38. No. 1. P. 5—20.